

ЗАБОТИТЬСЯ ОБ ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКОМ РОСТЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Советская литература завоевала доверие и любовь народа десятилетиями борьбы за его дело. Наша литература — самая идейная, самая правдивая, самая честная, самая смелая литература в мире! Героическая деятельность народа, строящего коммунизм, — вот источник вдохновения, неисчерпаемый родник тем и образов нашей литературы. Успех лучшим ее произведениям принес талант и правдивость писателей, умение проникать в действительность, глубоко понимать отношения людей, законы общественного развития.

Для деятеля советского искусства главный закон творчества — писать правду. Писатель, вооруженный мировоззрением марксизма-ленинизма, глубже видит, дальше смотрит, всестороннее понимает жизнь. Стройное и законченное мировоззрение обогащает литератора, расширяет его творческие возможности, расчищает путь новому творчеству.

Советская литература — литература глубокого познания жизни, высокого нравственного идеала. Она создала образы, ставшие примером для подражания, примером поведения для миллионов людей. В интересах народа литература наша ставит важные проблемы народной жизни. Глубина и смелость в постановке этих вопросов опираются на знание советскими писателями действительности, на высокую коммунистическую идейность, партийность, на правильное понимание задач борьбы народа.

Наша литературная общественность решительно критикует отклонения от социалистического реализма. Она делает это во имя разветвления плодотворной творческой работы.

Еще в 1920 году Центральный Комитет партии обратился ко всем коммунистам с письмом, резко осуждающим антипартийские, чуждые народу построения «пролеткульта». Развивая реакционные взгляды, партия вместе с тем обеспечивала все возможности для свободного развития литературы и искусства. В письме ЦК о Пролеткульта подчеркивалось, что «ЦК не только не хочет связывать инициативу рабочей интеллигенции в области художественного творчества, но, напротив, ЦК хочет создать для нее более здоровую нормальную обстановку и дать ей возможность плодотворно отразиться на всем деле художественного творчества».

Борьба партии за высокую идейность литературы всегда сочеталась с резкой критикой «лирицистского» в литературных делах. В том же письме ЦК о Пролеткульта партия требовала, чтобы в литературном деле «не было мелочной опеки». В постановлении ЦК партии по вопросам литературы в 1925 году подчеркивалось, что в критике необходимо извлекать тон литературной команды.

Борьба за высокую идейность литературы требует серьезного, внимательного разъяснения писателям их задач, их места в героической борьбе народа за мир, за построение коммунизма в нашей стране, за дальнейшее повышение материального благосостояния и культуры народа. Союз писателей, его организации на местах еще мало делают для сближения писателей с жизнью, с творческим трудом советских людей.

Писатель, изучая действительность, не только «собирает материал» для повести или романа, — он учится у действительности.

Изучая жизнь, постигая ее законы, художник углубляет и укрепляет свое мировоззрение. Помочь литератору осмыслить сложные явления жизни, борьбу старого и нового, реальные противоречия и конфликты — значит помочь его идейному росту, помочь его росту как художника.

Известно, например, с какой резкостью и прямой открытостью партия недостаткам в области сельского хозяйства. Она критикует эти недостатки, исходя из задачи укрепления колхозного строя, развития и совершенствования социалистической системы в сельском хозяйстве. Хорошая постановка идейно-воспитательной работы в Союзе писателей помогла бы литераторам правильно и глубоко понять смысл критики недостатков в сельском хозяйстве и в некоторых других областях. При этом условия у нас, возможно, и не было бы шаркающих от лакировки действительности с однообразием нагнетания отрицательных явлений. С верою в будущее, с конкретикой надо бороться и критикой, и широко разъяснением сегодняшних задач нашего общества.

Ныне особенно возрастает значение Союза советских писателей, как общественной писательской организации, в морально-политическом воспитании строителей коммунизма, в прояснении предрассудков капитализма. Однако слабость и бессистемность воспитательной работы — один из самых больших пробелов в деятельности Союза писателей. О серьезных недостатках в этой области справедливо говорили на своем недавнем съезде писатели Москвы и Ленинграда. На съездах писателей в Латвии, в Грузии, Армении и других республиках указывалось на большие недостатки и упущения в области идейного воспитания писателей. Это с особой остротой подчеркивает, как необходимо преодолеть формализм, бюрократический шаблон, администрирование в работе Союза писателей.

Давно говорится, что главная задача Союза — индивидуальная работа с каждым литератором, но на деле попрежнему преобладает шаблон, нет внимания к запросам и требованиям отдельных литераторов. Запущена в Союзе теоретическая работа. Секретариат ЦСП уделяет недопустимо

мало внимания общению процессов литературного развития.

Правление и секретариат Союза советских писателей не могут успешно работать, не опираясь на актив, не привлекая к работе широкий круг литераторов. Неправильная практика, когда секретариат принимает всю работу на свои плечи, а секции и комиссии Союза пассивны, работают крайне слабо.

Близится Второй всесоюзный съезд советских писателей, но попрежнему еще мало творческих разговоров, деловых споров, товарищеских дискуссий. Руководство Союза писателей не сумело поставить в центре внимания вопросы, волнующие художников слова. Иногда оно оказывается в нечетких там, где надо направить обсуждение по правильному пути. Стоит напомнить, что, когда в комиссии по теории литературы и критике обсуждалась порочная статья Померанцева, руководители Союза отсутствовали на обсуждении, отсутствовали как раз в то время, когда нужно было их слово...

Союз советских писателей призван систематически, настойчиво бороться с отклонениями от социалистического реализма, с попытками увести литературу в сторону от жизни и борьбы советского народа.

Надо давать энергичный отпор демагогам, пытающимся увести идею искусства с правильного пути. Но главное заключается в том, чтобы действовать убеждением, разъяснить, растолковать литераторам — всем вместе и каждому в отдельности — вопросы, жизненно важные для Союза, для творческой работы. Союз призван развивать критику, развивать борьбу мнений, помнить, что писательская организация не может плодотворно работать без свободного обсуждения творческих вопросов. Роль творческих секций Союза, редакционных его печатных органов, редакционных советов издательств в том, в частности, и состоит, чтоб ставить перед писателями идейно-творческие вопросы, умело связывая их с конкретными произведениями. Эту роль печатные органы Союза, в том числе и «Литературная газета», осуществляют еще плохо. Стоит напомнить, например, как в течение ряда месяцев, при невместительстве секретариата ЦСП, редакция «Нового мира» проводила неверную линию в ряде критических статей.

Есть люди, которые полагают, что в вопросах литературы все ясно и все проблемы уже решены. Однако жизнь показывает, как много еще вопросов, требующих совместного обсуждения, и как велика необходимость в серьезном, убедительном, толковом разъяснении вопросов идейной жизни и художественного творчества. Непростительно то ослабление идеологической работы, в котором повинны правление и секретариат Союза советских писателей. Современному писателю и писательнице партийные организации ведут работу по овладению литераторами теорией марксизма-ленинизма. А роль этих организаций в общем подьеме идейности Союза исключительна высока. Коммунисты-писатели должны показать себя передовыми борцами за линию партии в литературе, умеющими убеждать и воспитывать.

В писательской организации должна быть ключом идейно-творческая жизнь. Очень важно, не жалея времени и усилий, работать с людьми, помогать писателю решить волнующие их вопросы. В этом большая роль принадлежит литературным дискуссионным. При правильной постановке дела они содействуют решению общих проблем и в то же время разъяснению недомыслий и сомнений отдельных работников литературы. Следует разоблачать и отсекал чуждые взгляды, но неопустимо и неправильно действовать окриком там, где нужно спокойное товарищеское разъяснение.

Идя ко Второму всесоюзному съезду писателей, мы должны построить свою работу Союза на основе активности литераторов, на их общественной самостоятельности. Повышение активной роли писателей в жизни Союза, привлечение к этой жизни крупнейших писателей необходимо, что повысить роль Союза в борьбе за выполнение решений партии. Говоря о задачах Союза советских писателей, Горький подчеркивал: «Имея намерение, что союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но и интересы литературы в ее целом».

Мы не можем идти вперед, не критикуя и не преодолевая недостатков литературы. Советская, общественная борьба и будет бороться против бесконфликтности, розовой миланности отдельных произведений, против примитивного средне-статистического подхода к явлениям жизни, серости и обеднения образов советских людей, против идеалистических и вульгарно-социологических, рапповских построений. Нетребовательность к мастерству, амнистия слабостей и недостатков, с которыми еще приходится встречаться, противоречат кровным интересам народа, губительны для искусства. Высокая идейность, глубокое понимание роли литературы в жизни народа — вот основа повышения требовательности к художественному творчеству.

Партия указывает, какие огромные обязанности в великой борьбе по выращиванию нового, светлого и выхорчевыванию обветшалого и омертвевшего в общественной жизни ложится на работников литературы и искусства. Работа Союза писателей должна быть направлена к тому, чтобы каждый литератор творил во всю силу своих творческих возможностей, отдавал весь талант великому делу народа, вносил наибольший вклад в общую сокровищницу советской художественной литературы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 91 (3275)

Суббота, 31 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

ЗАВТРА ОТКРЫВАЕТСЯ ВСЕСОЮЗНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

Юрий ЛАПТЕВ Академия изобилия

Если бы лет пятьдесят, а то и тридцать назад любого крестьянского паренка или девушку привели на такую выставку, то им показалось бы, что они попали в волшебный мир сказок, в город-сад, вращенный человеческой фантазией!

Да и современному жителю советского села многое здесь покажется просто чудесным. Начать с того, что даже москвичей, избалованных грандиозной стремительностью высотных зданий и разнообразным величием метро, поразит развертывающаяся перед глазами панорама дворцов-павильонов РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Эстонии, павильонов всех шестьюнадцати республик великого Советского Союза. Идея братства наших народов нашла яркое выражение и в строгом архитектурном величии Главного павильона СССР, и в золотых скрижалях с первыми декретами советской власти, и в скульптурной композиции фонтана «Дружба народов»...

Конечно, не все даже основные здания равноценны по архитектуре, но каждое из них неповторимо уже потому, что творцы — архитекторы, художники и строители — много потрудились над тем, чтобы воплотить в своем произведении лучшие черты национального зодчества.

Словно поросль молодого багуба, взмывает вверх удивительно легкая колоннада, украшающая вход в павильон Узбекистана, а по соседству высятся добротный, как бы тесанный из прозерных валунов и увенчанный резным по дереву барельефом фонтан павильона Карело-Финской республики.

Только что вы миновали массивную колоннаду павильона Белоруссии, увенчанную сочетанием из полевых цветов германскими лентами, а вперед уже приближается взгляд здание, которое издали кажется совсем несомым, как бы сбитым из бесконечной каменной пены. Впечатление воздушности усиливается тем, что фасад и башенки здания украшены поистине кружевным плетением на мотивы русских народных былин. Это павильон областей Калининской, Смоленской, Великолукской, Ярославской, Костромской, Владимирской.

Часами можно любоваться многоцветными витражами павильона Украины, затейливой и даже причудливой для глаза мозаикой красной павильона Закавказья и среднеазиатских республик, мозаичным панно с большим вкусом выполненным художниками Эстонии, монументальным ансамблем павильонов Земледелия, Механизации и электрификации сельского хозяйства, Живописцев, отражающих в зеркальной глади искусственного водоема.

Многие из того, что увидит посетитель в этом городе изобилия, покажется ему прекрасным, а кое-что и поразит своими размерами, формой или окраской, необычностью: пудовые козаны капуста, или помидоры и огурцы, одного экземпляра которых достаточно к обузе целой семье, или свинья, по весу переживающая пару рыжих крестьянских буренок, или совершенно сановитый осанистый тамбовский гусяк.

Когда видишь обширные поляны, сплошь застланные пологом из редкостных цветов, или целые рощи фруктовых деревьев, ветви которых настолько отягощены плодами, что без подпорки обломались бы, когда встречаешься с такими злаками, как кукуруза, подсолнечник, конопля, в росте своих обогнавших некоторые деревья, а через несколько минут наталкиваешься на абляно, которая ползет настырцу по земле, забывая про то, что она как-никак фруктовое дерево, а не тыква, — тогда воочию убеждаешься в неискаемой творческой энергии того человека, который завоевал право именоваться строителем самого передового в мире общества, где труд земледельца, каменщика, сталевара, ученого приравнен к доблести и возведен в стеньгу искусства!

Это они — последователи великих преобразователей природы Тимирязева, Мичурина, Вильяма — продвинули далеко на север, в глубь страны ценнейшие растительные культуры, ранее произраставшие почти исключительно в субтропических условиях; сейчас никого не удивляет павловские лимоны или виноград, выращенный в опловском союзе «Ключ жизни». А кто, как не они — держки и

...Самое крупное сооружение выставки — павильон Механизации и электрификации сельского хозяйства.

Площадь 26 экспозиционных залов этого дворца техники достигает 18 тысяч квадратных метров, и сверх того некоторые крупнобаритные машины, такие, как 25-тонный самосал, широкозахватные сенокосильные машины, землеройные, дорожные, аксонируются на открытых площадках.

Здесь своего рода победоносный парад техники. В единую трудовую шеренгу построилось около 40 тракторов разных заводских марок и различного целевого назначения. К ним примыкают десятки сортов фруктов сады Родины, вывозят для различных областей страны все новые и новые породы скота и птицы, приспособленные к климатическим условиям и местным кормовым ресурсам.

И вот, когда видишь результаты этих неустанных трудов и научных исканий, хочется сказать участникам выставки:

— Привет и слава вам, подлинные хозяева необъятной и щедрой советской земли!

Земля! — огромного смысла это слово. Сколько про нее, родную землю, люди сложили песен, сказок и посланий, сколько крови и слез пролило за священное право человека свободно жить на земле своих предков и обрабатывать ее.

Многие люди называли землю матерью и кормилицей, но полнотой народной мудростью пронизано такое старинное крестьянское речение:

«Только тому земля — мать, кто за ней, как любезный сын, ухаживает. А нерадивому земля — не мать, а мачеха!».

Самая жизнь подтвердила и продолжает подтверждать правильность этих слов буквально тысячами примеров. Почти в любых климатических и почвенных условиях, включая Крайний Север страны, наши колхозники и механизаторы научились снимать с каждого гектара пахотной земли по двадцать, тридцать центнеров зерна, сотни центнеров огурцов, капусты, сахарной свеклы, по тычае и больше центнеров картофеля и моркови.

Однако по соседству с колхозами, завоевавшими право на участие во ВСХВ, до сих пор существуют и такие колхозы, в которых урожай зерновых не превышает 5—6 центнеров с гектара и с овощами дело обстоит плохо. Естественно, что в таких колхозах и скот задулал, и птицы мало, а в результате и сами колхозники живут неприглядно. Нельзя замалчивать и то, что, скажем, такая, в основном, черноземная область, как Орловщина, выдвинула ряд кандидатов для участия во ВСХВ по конюль, по свиноводству и садоводству и даже по виноградарству, но не смогла выдвинуть достойного кандидата по зерновому хозяйству.

Со всех концов необъятной страны съезжались в деревню, но год от году молодеющая столица своей Родины дорожит гостями — умелые труженики полей, проглаженные животноводы, механизаторы. На выставке можно будет встретить председателей колхозов — Сергея Кеонофонтана Короткова из Чувашской АССР, и Михаила Никитовича Володько из Белоруссии, и комбайнера с Кубани Дмитрия Назаровича Гонгара, и свиновода Александра Евгеньевича Люскова — простую вологодскую женщину, завоевавшую мировую известность. Должны прибыть сюда и знаменитый чабан из Ставропольского края Д. Т. Хоретко, и молодая телегиня из-под Курска Вера Лушпа, и бригадир тракторной бригады И. Т. Касьяненко с юга Украины, а с Подпавицими — мировая рекордсменка по урожаю сахарной свеклы Мария Гета. И еще следуют в Москву и встретятся на территории выставки сотни тружеников, чьи имена будут вписаны в золотую книгу передовиков сельского хозяйства. Среди этих людей немало участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939—1941 годов. Некоторые из них за это время стали депутатами Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик, многие получили высокие звания Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии.

Они очень разные, эти люди — и по возрасту, и по национальности, и по своей трудовой квалификации, во всех их родине благодарное, полнотой социалистическое отношение к порученному им делу и высокая культура труда. Эти качества передовых тружеников советского села получили на выставке полное и яркое отображение.

Одна из охот — огромные, спокойные, чуть серебристой масти — стоят в станках животно. Медленно пережевывают жвачку, шумно вздыхают.

Средний вес коров этой породы колеблется от 600 и почти до 900 килограммов, а быки-производители, например, Ковьяль, Приз, достигали тонны.

Годовой удой большинства доставленных на выставку коров превышает 10.000 ки-

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Скульптура на арке главного входа.

Фото Н. Грановского

лограммов, а лучшие представительницы породы — такие, как «Арфа», дают за лактацию до 14 тысяч килограммов молока с высоким процентом жирности.

Разве же не вызывает удивления буренка, лающая в отдельные дни до четырех ведер превосходного молока — количество, которым можно напоить сотню человек! И глубокое уважение достойны люди, выхлосившие не одну «Красу» или «Волшебницу», а породу таких животных.

Броме Костромской, на выставке представлен еще целый ряд ценнейших пород рогатого скота, таких, как Архангельская «холоморка», как Лебединская порода из Сумской области, Сучевская — со Смоленщины, Атаутаская — из Казахстана и Киргизии, Симментальская и другие.

А лошади? Можно сказать с уверенностью, что любой самый завзятый лошадиный найдет на выставке коня по своему вкусу. Далеко легендарный русский богатырь Илья Муромец, которого по преданию и земля с трудом носила, подобрал бы коня себе под стать: есть здесь и такие жеребцы, уроженцы центральных областей России, которые способны везти станок с грузом нескольких автомашин-полторок.

Свыше 700 голов крупного рогатого скота, полтора ста лошадей и верблюдов, свыше восьмидесяти овец и коз разных пород, свиньи — «крупная белая», «украинская степная», орловская «лиственка», описанная еще Гоголем «миргородецкая свинья» — хрюка и матка двадцати пяти поросят весом от 250 до 500 килограммов каждая, — общим счетом больше трехсот голов — вот далеко не полный перечень «сехавшихся» на выставку представителей животного мира, населяющего колхозные и совхозные фермы и пастбища.

Если учесть, что каждое из двух тысяч этих домашних животных является одним из лучших экземпляров своей породы, то нетрудно представить, какое колоссальное богатство знаний, умения, опыта концентрируется в животноводческих павильонах.

Ну, а масштабы и значение всей выставки, на наш взгляд, правильно определил молодой агроном Павел Васильевич Семин, прибывший в Москву из Слободского района Кировской области. Он сказал:

«И это даже не выставка, а целая академия! И для того, чтобы обстоятельно изучить все ее экспозиции и документы, нужно потратить несколько месяцев, а то и год жизни! Но зато человек, который это проделает, получит высшее сельскохозяйственное образование!»

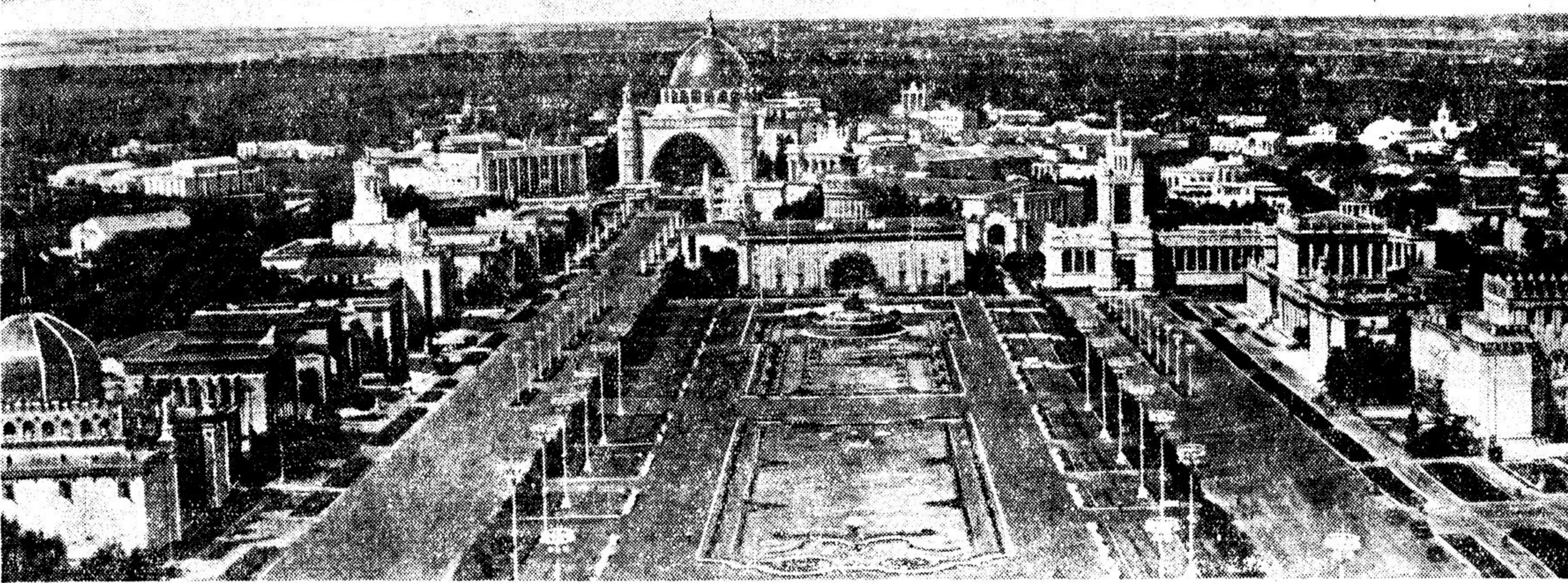
Для сооставления хочется привести оценку Алексея Максимовича Горького, данную им некогда нашумевшей Нижегородской выставке 1896 года:

«Труд народа — действительный труд 112 миллионов сельского населения — собран в маленьком павильоне кустарного отдела. Все это предметы примитивного быта — ложки, чашки, дати, телеги, рогаки».

А Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 года по-настоящему грандиозна и иной быть не может! Нашим колхозам, совхозам и промышленностям нашей эры из чего отобирать и что показать всему миру.

Как говорится, чем богаты — тем и рады! Выставка, на которой достижения нашего сельского хозяйства показаны в концентрированном виде, удивительна, как итог огромной повседневной работы нашей Коммунистической партии на селе.

Она оставляет яркое, незабываемое впечатление.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

Фото Б. Пущина

НА ПОЛЯХ СТРАНЫ

Массовая уборка хлебов идет в большинстве районов страны — во всех республиках Средней Азии и Закавказья, на Украине, на юге Российской Федерации, в Поволжье: приступили к уборке центральные и северо-западные районы.

К 25 июля колхозные хлеба скошены на площади, превышающей 20 миллионов гектаров. Это на два с половиной миллиона гектаров больше, чем было убрано к этому времени в прошлом году.

Давная погода вызвала трудное созревание хлебов. Во многих районах озимые и яровые поспевают почти одновременно. Началась уборка льна-долгунца, горчицы, табаков.

Тысячи комбайнеров, отличившихся на призыве механизаторов Петровской МТС (Ставропольский край), просят уборку урожая с большим подъемом. Широкое распространение получают новые прогрессивные методы уборки. Так, при групповом использовании комбайнов несколько машин работают одновременно на одном массиве, но каждая из них — на самостоятельных загонках. Производительность комбайнов, как показал опыт, при этом способе повышается на двадцать—двадцать пять процентов.

Благодаря применению новых способов уборки в тысячах колхозах юга весь убранный хлеб очищен.

АРХИТЕКТУРА ВЫСТАВКИ

Героический труд строителей, наука и искусство объединились, создавая одно из самых значительных произведений нашего времени — Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Она демонстрирует не только замечательные победы социалистического сельского хозяйства, но и рост советской культуры.

Многие тысячи экспонатов выставки — живое, материальное доказательство того, как успешно осуществляются исторические решения Коммунистической партии и Советского правительства о создании полного достатка продуктов. И, кроме того, выставка показывает, каких успехов добивается советский народ в борьбе за победу духовной культуры.

Выставка 1954 года представляет собой грандиозный архитектурный комплекс, раскинувшийся на территории обширного парка площадью более двухсот гектаров. Город-сад вписан в четкую и ясную планировочную композицию. Это обеспечивает прием огромных масс посетителей, дает им возможность осмотреть все многочисленные павильоны, сооружения, участки, где представлена живая природа.

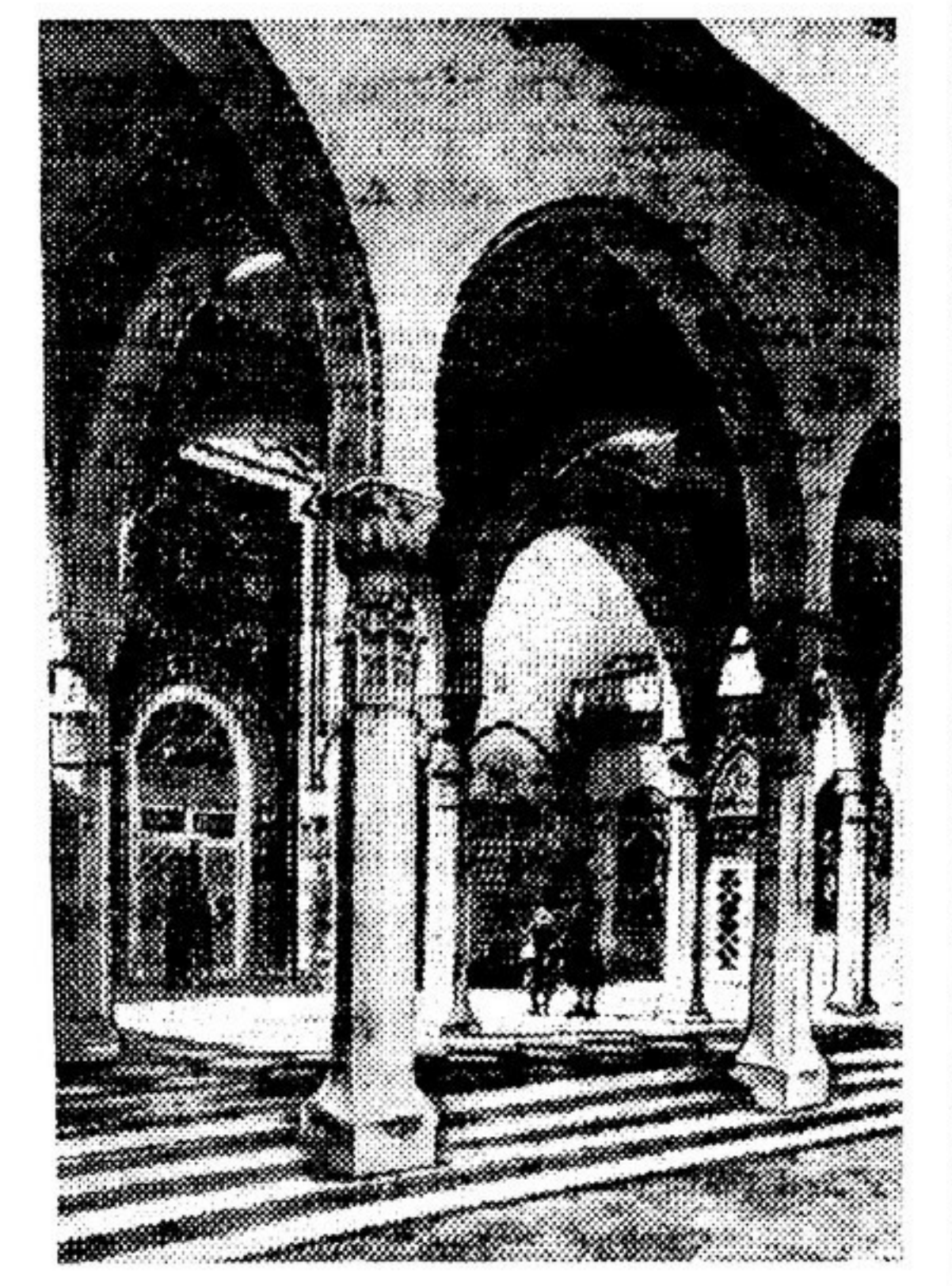
Торжественно выглядит главный вход — это многопролетная триумфальная арка, увенчанная скульптурной эмблемой выставки, изображающей тракториста и колхозницу с высоко поднятым снопом золотистой пшеницы — единение труда и техники, залог побед социалистического земледелия.

Миновав арку, посетители выходят на широкую аллею фонтанов, обрамленную живой изгородью деревьев и кустарников, — она ведет к центральному сооружению выставки — Главному павильону.

Главный павильон своим ярусным, ступенчатым объемом, завершающимся островерхим золотым шпилем, объединяет пространство, всю композицию гигантской площади Колхозов, занимающей более десяти гектаров. По ее периметру расположены двадцать павильонов советских республик и отдельных краев и областей, которые многообразием своих архитектурных форм и деталей создают яркое представление о своеобразии зодчества народов многонационального Советского Союза.

Второй важный архитектурный центр выставки — восьмигранная площадь Механизации. На ней размещены павильоны главных отраслей сельского хозяйства — Земледелия, Животноводства, Зерно, Своях и, наконец, самое крупное сооружение выставки — павильон Механизации и электрификации сельского хозяйства. Этот павильон, оригинальный по объему и силе, с площадью залов в 18 000 квадратных метров, перекрывает стеклянными куполом, доминирует над общим ансамблем выставки. Он как бы подчеркивает первостепенное значение механизации и электрификации в деле крутого подъема сельского хозяйства нашей страны.

Многообразие архитектурных форм и декоративных элементов, богатство колорита и живописная красота строительных

У входа в павильон Татарской АССР. Фото В. Кошечного

Б. И. ОФАН,
действительный член Академии архитектуры СССР

Эти образный и содержательный отчет о победах самого крупного в мире, оснащенного передовой техникой сельского хозяйства страны Советов. Об этом красноречиво говорят сами грандиозные масштабы выставки, вздымающиеся в небесную высь, смелые очертания современных конструкций и многоярусные силуэты ее павильонов. Только высокая техника и вдохновенное искусство могли создать такие яркие произведения.

Многочисленность фасадов и узорчатая резьба выставочных залов, прозенные элементы и росписи, богатство рисунков и объемные осветительной арматуры, бронзовое литье и чеканка по металлу, художественные витражи, инкрустации из смальты и живописные майоликовые орнаменты, украшающие большие и малые сооружения выставки, символизируют высокий расцвет народного творчества и искусства советских республик.

Многочисленные скульптуры, барельефы и горельефы на фасадах, в интерьерах павильонов, в парках и на фонтанах раскрывают средствами изобразительных искусств глубокое идейно-политическое содержание выставки. Монументальные росписи, широко примененные при художественном оформлении павильонов, всем своим содержанием подчеркивают, что в СССР труд — дело чести, доблести, славы и героизма.

В архитектурном убранстве выставки получила особенно яркое воплощение одна из главных особенностей советского зодчества — синтез искусств: архитектуры, скульптуры, живописи и художественной орнаментики.

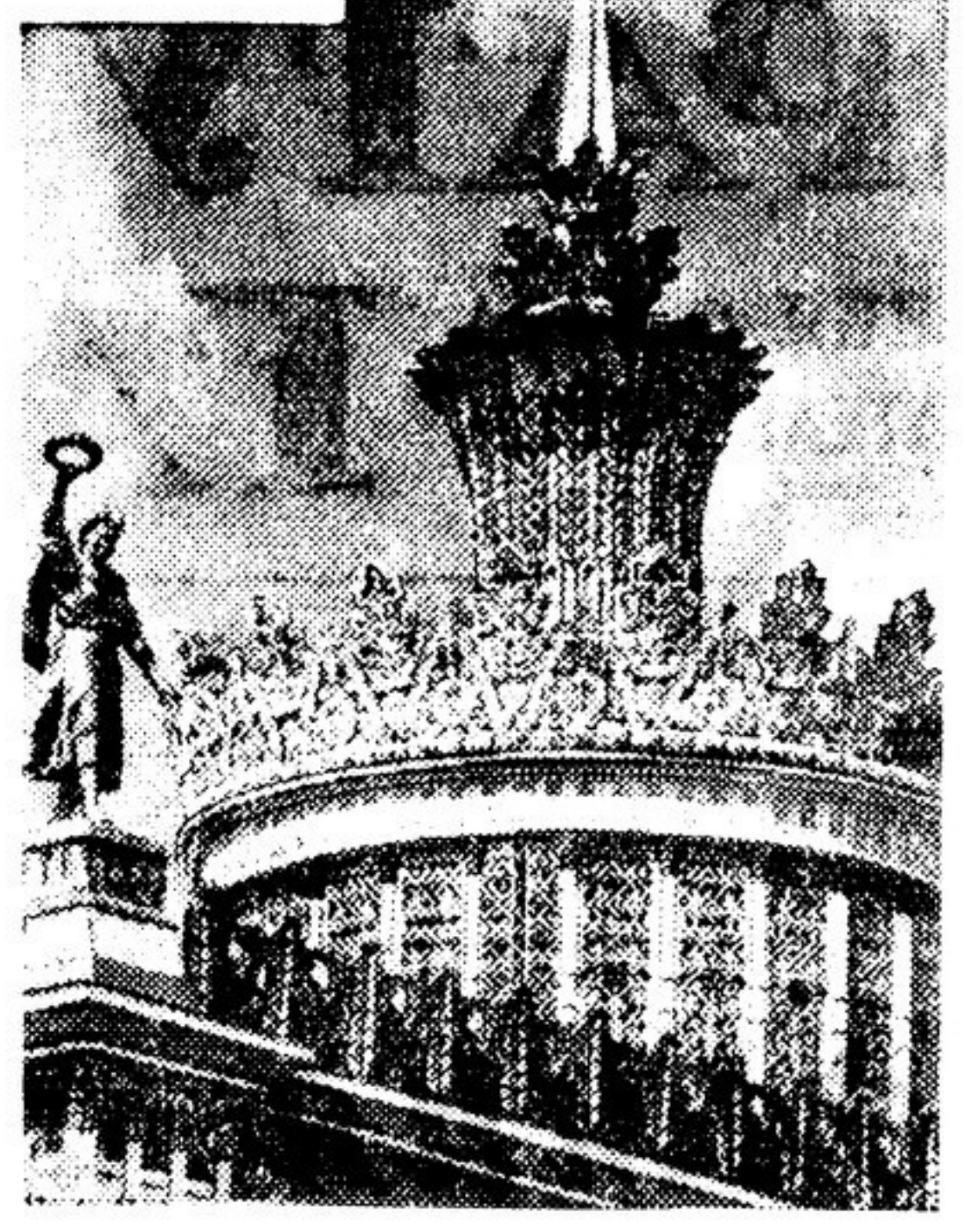
Выставка показывает и наши достижения в области благоустройства и озеленения. Замечательное мастерство, много выдумки и большую заботу о посетителях выставки проявили садоводы, архитекторы, ученые и специалисты по зеленому строительству. Тысячи деревьев самых разнообразных пород, сотни тысяч кустарников и миллионы цветов служат прекрасным обрамлением и фоном для многочисленных архитектурных сооружений. Радостное, волнующее впечатление рождает открытые зеленые площадки и партеры с декоративными газонами, стриженной зеленью, живыми изгородями и стройными рядами многолетних деревьев. Прекрасны тенистые дорожки садов павильонов союзных республик — вдоль них рядом с московскими липами, кленами, березками и осенами можно встретить привезенные с юга бамбук и агаву, пышные пальмы и стройные кипарисы, пирамидальные тополя и плодоносные фруктовые и цитрусовые деревья.

Особенно богата насаждениями обширная зона отдыха, сливающаяся с зелеными массивами Ботанического сада Академии наук СССР и дубравами Останкинского парка. Огромный Мичуринский сад, экспонатные участки зерновых, технических культур и лекарственных растений превосходно включены в общую композицию озеленения выставки.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка с честью выполнит свою задачу. Она ознакомит миллионы трудящихся нашей страны и зарубежных гостей с достижениями социалистического сельского хозяйства, станет школой передового колхозного опыта. Павильоны и экспонаты выставки наглядно и убедительно расскажут посетителям о победах и достижениях колхозного крестьянства СССР, о неиссякаемом роднике народного творчества и массового трудового героизма советских людей, строящих лучезарное здание коммунизма.

И отсюда созвучно, что в этой благородной миссии немалая заслуга принадлежит советским ученым, инженерам, строителям и архитекторам, художникам, скульпторам и специалистам многих других отраслей нашей науки и культуры, вложившим свой труд в создание грандиозной Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1954 года.

ВОЛОКИТА ОСОБОГО РОДА

Купол и шпиль павильона Украинской ССР. Фото Н. Граповского

Цифры и факты

★ 41 год назад, в 1913 году в Киеве была открыта Всероссийская сельскохозяйственная выставка, самая крупная в истории старой России. В ней участвовало около двух тысяч лиц и учреждений, четверть из них были иностранцы. Площадью и изюбом выставки было представлено 138 экспонатов, птицеводство и мелкие домашние животные — 88, крупное животноводство — 84, садоводство и цветоводство — 70 экспонатов. На выставке было всего десять сельскохозяйственных машин.

★ Первая советская Всероссийская сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка открылась в Москве в 1923 году. В ренессанс Х Всероссийского съезда Советов было указано, что страна должна показать на выставке «основные достижения свои в области восстановления, укрепления и развития сельского хозяйства на новых началах и под руководством рабоче-крестьянской власти».

★ В. И. Ленин в своем приветствии выставке писал: «Придаю очень большое значение выставке; уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха».

★ Выставка 1923 года звала к решительной борьбе за преобразование старой деревни. Ее посетили миллион триста восемьдесят тысяч человек.

★ ВСХВ, как известно, была впервые открыта 1 августа 1939 года. Она занимала тогда 147 гектаров и имела 250 павильонов, оранжерей, теплиц — общим объемом 950 тысяч кубических метров. Ее «Почетная книга», в которой даны подробный перечень всех участников выставки и описание их успехов, занимала тогда 47 томов.

★ 207 гектаров занимает территория Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1954 года. Построено и реконструировано 307 павильонов и других выставочных сооружений. Объем всех сооружений — около двух миллионов кубических метров.

★ Для показа экспонатов в павильонах оборудовано 3.705 стендов. Их оформлением занимались 4.120 художников, скульпторов, графиков, 300 художников были приглашены из союзных республик. На выставке — 322 картины и панно, 93 скульптуры.

★ 1.907 сортов различных сельскохозяйственных культур выведено и показано на экспонатных участках выставки. Площадью представлено 5.500 деревьями. Успехом растениеводства посвящены 16 павильонов, 25,2 гектара экспонатных посевов, Мичуринский сад, 101 гектар декоративных насаждений и лесозащитных полос.

★ В 69 павильонах животноводства находится 2.022 головы породистых животных (крупный рогатый скот, овцы, свиньи, лошади, верблюды). В вольерах павильона Охота и звероводство — 120 оленей, песцов, белок. На птицеводческих фермах и в прудах — до десяти тысяч штук домашних птиц.

★ Эшелоны машин самого различного назначения привезены на выставку. В павильонах Авиация и изобретения показаны 579 почвообрабатывающих, посевных и уборочных машин, 62 машины для строительства дорог, волеводом, для орошения и борьбы с болотами, 62 автомашины, а также тракторы, самолеты сельскохозяйственной авиации.

Эта статья имеет свою преемственность. На литературном собрании обсуждалась новая книга писателя. Один из выступивших упомянул автора в том, что разрешение конфликта, намеченного в его произведении, дано, так сказать, в плане «умозрительно-теоретическом».

— Бюрократизм, например, — говорил оратор, — существует у нас не первый год. Но характер бюрократизма в разные периоды меняется, и потому назвать его «сперматическим капитализмом» и этим ограничиться — далеко недостаточно. Писатель обязан опять, что чиниша, скажем, двадцатых годов, получить «экальку» еще в дарских канцеляриях, где он мог плавать, как рыба в воде, редко отлучаясь от современного бюрократизма, который существует уже в иной среде и которому поэтому необходимо вестись маскировать свой бюрократизм.

Во время перемены я услышал, как незнакомый мне человек сказал, видимо, возмущая в чем-то собеседнику:

— Выступивший товарищ, конечно, прав: нынешний волокитизм куда труднее распознать и унять, чем прежнего «явного» бюрократизм. Но бюрократизм у нас существует. Вот вам, хотя бы, широко известный и машинный пример: из существующих 12 тысяч видов лекарственных растений только около двухсот видов применяются у нас в лечебных целях.

Этот разговор живо заинтересовал меня. Я подошел и прислушался.

— То, что я сказал, известно каждому ботанику, химику, фармацевту, врачу. И Министерству здравоохранения от этого известно. Однако положение остается неизменным. В чем же тут дело?

Мы подошли к товарищу после собрания, и я поинтересовался подробнее о лекарственных травах.

— Интересуетесь медициной?

— Как каждый, достигший сорока лет, — ну, и я тоже.

— Ну, это вы зря, — не принял он шутки. — Медицина способна добиться того, чтобы люди не вспоминали о ней и после сорока лет. Но для этого...

И у нас завязалась живая разговор, который и привел меня на другой день в огромное селение с колоннадами и здание, расположенное в двух десятках километров от Москвы, — здание, на фронтоном которого написано: «ВИЛАР», что означает Всесоюзный научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений.

Сказав прямо: не будучи медиком, я так был от мысли разбираться в конкретных производственных вопросах и заранее готовый себя к тому, чтобы не выкатывали специальные споры о качестве того или иного лекарства. Меня интересовала проблема в целом, ибо стояла она в ряду важных для народа проблем. И я понимал, что если прав окажется мой собеседник, то вовсе не обязательно быть медиком, чтобы разбираться в делах бюрократических.

Вот что я узнал.

Истощение растений в лечебных целях влечет к глубокой древности. Десятки ценнейших лекарств пришли в научную медицину из медицины народной. И вполне естественно, что именно в нашей стране решено было поставить изучение лекарственных трав на солидную научную базу. Так родился ВИЛАР.

Здесь работают ботаники, селекционеры, агрономы, химики, фармацевты, врачи. Они делают больше, нужное дело. Коллектив ВИЛАР не может пожаловаться на неинтересность со стороны медицинской общественности и министерства — его работу знают и ценят. И тем не менее собеседник мой был нелицом прав...

Вот самый обычный случай. Институт получает сигнал о новом лечебном препарате. В Тбилиси живет женщина преклонных лет, Ольга Валерьевна Иванова. Фельдшер по образованию, она собрала различные корни и травы, истерики применялись нарелем, и отваром из них лечит дисентерию. Лечит давно, лечит успешно и теперь желает передать свой опыт научной медицине. Химики и фармацевты ВИЛАР в лаборатории изучают корни и травы Ивановой. Устанавливают, что они нетоксичны — вреда человеку не могут принести. После этого министерство направляет новый препарат в клинику на испытания. Выясняется, что отвар хорош, — большие выздоравливают, да еще на пять дней быстрее, чем при лечении известными средствами. Казалось бы, надо довести до конца необходимые исследования и безотлагательно решить вопрос о препара-

Александр ЧАКОВСКИЙ

рате. Но дело тянется третий год, а препарат Ивановой все еще «рассматривается». И когда читается распухшая папка документов, впечатления возникают такие, что во впечатлении нового лечебного препарата эзотерически только один человек — сама Иванова. Она сама собирает травы и корни для четырех клиник, она за свой счет приезжает в Москву, она ходит, добивается, просит, требует...

Волокита? Да, волокита. Но попробуйте заговорить об этом. «Лечебство», — ответит вам, — это, знаете ли, не уют и не гайка. Речь идет о здоровье и жизни советского человека. Тут необходима тщательнейшая проверка! С этим трудно спорить, дело это важнейшее, ответственнейшее. Но вся беда в том, что эти слова — просто отговорка. А фактически здесь мы сталкиваемся с волокитой особого рода, прикрытой какой-то лозунгом «целесообразности», «объективности трудностей», «научных традиций» и т. д. Я отдаю себе отчет в том, что определение эффективности нового лекарства — дело серьезное, требующее самых тщательных исследований. Но кто сказал, что исследования эти должны тянуться годами, даже в тех случаях, когда есть реальная возможность своевременно завершить их?

Вот, к примеру, хождения по мукам препарата «Эризмил»; сейчас он выработывается в больших количествах. Институтом эризмил был предложен еще в ноябре 1951 года. В декабре на заседании Фармакологического комитета Министерства здравоохранения СССР разрешено было испытать новый препарат в клиниках. Дан был и строгий срок проверки — один месяц. Клиники держали препарат не месяц, и не два, и не пять, — ровно год.

Ну, где тут — ничего, там месяц — вовсе пустяки. Через месяц после того, как клиники дали заключение, 10 января 1953 года вновь заседал Фармакологический комитет. Принимается новое решение: передать эризмил в промышленность. Потом новая инстанция, новые заседания, и спустя еще четыре месяца, 11 мая 1953 года, утверждается листовка о применении нового препарата.

Пять месяцев требуется и другому, Фармакологическому комитету, чтобы утвердить технологию изготовления эризмилы. Следует еще одна канцелярия, новые задержки, и спустя три месяца Глазмедпром требует... начать все сначала: ВИЛАР, видите ли, не по форме составил «регламент»... Пусть так, но почему понадобилось почти два года, чтобы вынести сей прискорбный факт? Глазмедпром тут ни при чем: всего три месяца назад туда «супущены» документы. Ну хорошо, а три месяца — разве этого мало?

Вот так день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем и неделями почти три года, прежде чем эризмил появился в наших аптеках. Причем самое неприятное во всей этой истории то, что она — рядовая, обычная. В Министерстве здравоохранения СССР привыкли к этому, усматривая в сверхдлительности проверки новых лекарств чуть ли не достоинство. Но разве не ясно, что не сама проверка тянется годами? Препараты лежат без движения — в аптеках, лабораториях, комиссиях и подкомиссиях, а бумаги вокруг них двигаются, бюрократическая машина работает, и все это «во имя здоровья человека» — поистине волокита особого рода!

А ведь получить для нового препарата путевку в жизнь — это еще не все, надо добиться, чтобы промышленность ее ослала его выпуск. Два года назад Фармакологический комитет разрешил к выпуску и промышленному препарату «Пентон» яла «КФ» доктора Е. Фишкова, однако на аптечных полках его нет до сих пор. Известны и такие случаи, когда новые (благотворно утвержденные) лекарства задерживались в недрах медицинской промышленности по пять, и по одиннадцать лет!

Хозяйственности охотно выпускают лекарства, производством которых давно налажено, но часто встречается в штыки препараты, которые надо осваивать заново. И эти «мужи освоенные», ишние нередко из консерватизма, боязни нового, тоже вошли в обиход.

Вот примеры — простые, признанные, не вызывающие споров, — которые показывают разрыв между научными достижениями и их реализацией на практике. В ВИЛАР у многих сотрудников и видел

пузырьки с эвкалиптовым маслом. Масло это обладает, как доказал еще выдающийся русский фармаколог И. Бровков, сильнейшими бактерицидными свойствами. Добавление нескольких капель эвкалиптового масла хотя бы в широко употребляемый одеколон может придать одеколону качества профилактического средства, скажем, против гриппа.

Простое дело? Но никто не думает над его осуществлением.

Другой пример. Пресловутый напиток «кока-кола» рекламируется как один из атрибутов американского образа жизни. Снабже это действительно оказывает бодрящее действие на человека. Объясняется это весьма просто. «Кола» — охет, стимулирующее действие которого на человеческий организм общеизвестно. А «кока» — это... кокаин, наркотик, вред потребления которого также общеизвестен. Мы же имеем возможность производить напиток, действительно бодрящий и при этом лишенный какого-либо вредного воздействия. Это — напиток марьяльного корня (из растения лесной сафороидной), благоприятно воздействующий на нервную систему.

Но хотя давно уже известно благотворное действие марьяльного корня, а нет у нас бодрящего напитка, — никто не желает браться за это дело.

Можно решительно утверждать, что многие из лекарств, полученных ВИЛАР, не поступают в аптеки именно вследствие неопытности в промышленности освоении. Но и это еще не все. На пути новых препаратов — слабо поставленная информация о них. В нашей стране работает огромная армия врачей. Если они своевременно узнают о новых лекарствах, то прописывают их больным. Но так как пропаганда новых препаратов поставлена из рук вон плохо, врачи о них не знают, больным же прописывают, новые лекарствами владеют в аптеках — в Главном аптечном управлении, видя, что нет на них спроса, сокращает, а то и вовсе снимает заказы на их производство.

После завершения бюрократического круга после всех хождений препарата по мукам вдруг выясняется, что он «никому не нужен». А не худо было бы вспомнить старинную практику рассылки врачам бесплатных экземпляров каждого нового препарата вместе с информационным проспектом. И, что еще важнее, надо всерьез, по-деловому налаживать промышленное, перспективное планирование новых лекарственных средств в Министерстве здравоохранения СССР.

Однако вернемся в ВИЛАР. Не является ли парадоксальным тот факт, что в системе этого института, созданного на базе огромного опыта медицины, в том числе народной, нет отдела, специально изучающего опыт именно народной медицины? В институте мне показали толстые папки с письмами. Сюда пишут сельские врачи, фельдшеры, учителя, колхозники. Они рассказывают о своих наблюдениях над лечебными свойствами тех или иных растений, передают «секреты», записанные им от родителей и прадедов, но нет в институте людей, которые должны были бы изучать и обобщать все эти ценные материалы.

...Как можно было бы охарактеризовать проблемы, выдвигаемые ВИЛАР, в целом? Как проблему изобилия лекарств отличного качества.

Что мешает разрешению этой проблемы, если опять-таки рассматривать ее в общих позициях? Бюрократическое равнодушие, волокита особого рода.

Однако почему «особого рода»? Да потому, что на первый взгляд все благополучно в затронутых сферах. Создан и существует ВИЛАР. Ишито, инкогда, индго не спорил против широкого применения лекарственных трав. Больше того, когда два года назад на страницах «Литературной газеты» со статьей на эту тему выступил проф. С. Тиминин, Министерство здравоохранения СССР призвало критику «правильной и своевременной».

Но согласиться на основе этого с тем, что положение действительно благополучно, значит стать на формальные позиции, ибо бюрократизм не только в бумажковой волокиты, неважности с посетителями или табличке «без толкада не входить». Он — в равнодушии, в нежелании встать за трудную работу, в отказе от настоящей перестройки большого дела.

А дело охраны здоровья советских людей — дело большое и важное. И нет той зарплате еид, которая может считаться чрезмерной, когда речь идет о здоровье народа!

КО ВСЕСОЮЗНОМУ ДНЮ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА НА СТАНЦИЯХ И РАЗЪЕЗДАХ

Завтра наша страна празднует Всесоюзный день железнодорожника. В городах и рабочих поселках, в селах, на тысячах больших и маленьких станциях, на полустанках и разъездах, в клубах и досуговых центрах советские люди будут чествовать в этот день трудящихся железнодорожников. Вместе со всем советским народом наши железнодорожники приносятся своим трудом мощию и богатство Родины.

Железные дороги Советской страны в последние годы вводят в эксплуатацию с каждым годом все больше и больше станций. Одна Омская магистраль переоборудована в несколько раз, в Омске, в Омской области, в Омской области, в Омской области.

Сегодня наши корреспонденты рассказывают о том, как трудятся коллективы станций, носящих имена великих русских писателей.

СТАНЦИЯ ЛЕВ ТОЛСТОЙ
Станция Лев Толстой, Московско-Курско-Донецкая железная дорога. Из окон двухэтажного вокзала виден домик начальника станции (она называлась раньше Астапово), в одной из комнат которого в ноябре 1910 года умер великий русский писатель. Теперь здесь находится Государственный музей Л. Н. Толстого.

свадебного коллектива. Члене других на планерках отмечают достижения дежурного по станции Михаила Ермина. Он систематически ускоряет оборот вагонов, его смелая — образец слаженности и четкости. Среди лучших людей станции — составитель поездов Алексей Пискарев, формирующий железнодорожные составы скоростными методами, и машинист Николай Балабанов, уже не раз проведший тяжелые поезда с рекордным для своих участков весом. Леску поезда украинской станции Федора Холуева. В шутку его называют «четыре академички»: четыре сына старшего академика учатся в Ленинградском университете. Рядом с квартирой отца они соорудили мастерскую и в дни канюкуют напольно ет этюдами, набросками, портретами.

Забываются растят людей, нашедших свое призвание на транспорте, партийная организация и руководители станции Лев Толстой. Оператором принят на железнодорожную работу, демобилизовавшийся из армии, Борис Кляев, а ныне он заместитель начальника станции. Недавно коллектив проводил своего бывшего конкурента Ивана Калугина руководит соседней станцией — Политово. Из машиниста в заместителя начальника деловая выдана Виктор Новиков. Стрелочник Василий Фролов — ныне оперативный дежурный. Четыре десятка лет отдал

транспортной работе вокзала Иван Павлович Минаков, в прошлом кондуктор. По-домашнему уютно и чисто на вокзале, в его светлых залах с шестами на окнах. Есть для ожидающих пассажиров комнаты отдыха. В буфете всегда можно получить горячий обед. Нет очереди у кассы. К тому же многие пассажиры успевают еще в пути законспектировать свои билеты.

Станция Лев Толстой живет общими интересами не только с поселком, который вырос вокруг нее, но и со всем Лев-Толстовским районом недалеко от станции. В округе много интересных мест. На всей территории района нет ни одной реки и даже ручейка. С помощью железнодорожников возникли в селах артезианские скважины, оборудованные ветродвигателями, искусственные пруды и водоемы, а в двух колхозах — водопроводы.

как и большинство жителей поселка, — люди, работающие на станции Лев Толстой.

В. ГОЛУБЕВА
Станция Лев Толстой, Московско-Курско-Донецкая железная дорога

СТАНЦИЯ ИМЕНИ МАКСИМА ГОРЬКОГО
Станция имени Максима Горького, Приволжской железной дороги

Эта железнодорожная ветка была проложена в середине прошлого века. По ней грузы перебрасывались с Волги на Дон и в обратном направлении. Было построено несколько станций, переездов, разъездов. Ветка пролегла по голь безрадостной степи.

На одном из ее разъездов — Крутая (Воропоново) — в 1889 году работал весовщиком Алексей Пенков. В очерке «Из прошлого» он писал впоследствии: «...вспомнить там нечего было, и обязанность моя заключалась в поверке грузов, которые шли на Поворино Грязе-Павловской дороги и на Калужско-Волго-Донской ветки...»

Главным делом моего была проверка боек рабы, которая шла с Волжской через Крутую на Поворино... Пока паровоз маневрировал, я бегал с платформой на платформе с накладными в руках, а ночью — еще с фонарем у пояса.

Шестидесять пять лет отделяет нас от времени, описанного в очерке. Незунаваемо изменился облик этого железнодорожного разъезда.

Разъезд, переименованный в этом году в станцию имени Максима Горького, стал крупным сортировочным узлом Приволжской железной дороги. Сюда поступают грузы для строительства Сталинградской гидростанции, тракторного завода и других промышленных предприятий. Ежедневно через станцию проходит сотни эшелонов.

При станции сооружено первоклассное здание, вместе с собой большой железнодорожный парк. Выросли каменные жилые здания. В каждой квартире свет, радио, водопровод. В городке железнодорожников построены детские ясли, клуб, школа-десятилетка, магазины, открыта библиотека.

«А какое было заложение! — Это помню, — говорил нам пожилой железнодорожник, недавно вышедший на пенсию Петр Павлович Абрамов. — А главное, люди наши стали дружными, другая судьба у них...»

На станции работает много железнодорожников, ставших знаменитыми людьми труда. Имя машиниста Ивана Герасимовича известно далеко за пределами Приволжской железной дороги. Пробег его паровоза (без сложного подъемного ремонта) превысил сто тысяч кило-

метров при норме в шестьдесят тысяч. Славными трудовыми успехами встречается коллектив станции имени Максима Горького свой праздник, — нет ни одного путеица и движениа, который бы не выполнял задания. Перед праздником в список лучших вписаны фамилии новых передовиков — машинистов В. Ильиченко и Ф. Шербакова, бригадира-ремонтника К. Дудкина.

В. РОСТОВЩИКОВ
Станция имени Максима Горького, Приволжская железная дорога

РАЗЪЕЗД ЛЕРМОНОВСКИЙ
Разъезд Лермоновский, Приволжская железная дорога

Далеко не всякая станция видна на своем перроне такое множество жителей самых отдаленных уголков нашей страны, сколько видит этот маленький разъезд, расположенный в зеленой ложбине между горами Манук и Беншут, в четырех километрах от Питягорска.

На юг открывается величественная панорама Кавказского хребта с двуглавым Эльбрусом. У подножия Манука, недалеко от разъезда, находится место, где был убит на дули Михаил Юрьевич Лермонтов, именем которого и назван разъезд. Сквозь просветы леса видны высокие белоснежные арки, ведущие к месту дуэли, — виден

простой и скромный по архитектуре памятник-обелиск.

Каждые 20-30 минут через этот разъезд проходит поезд дальнего следования. И хотя здесь нет населенного пункта, некоторые поезда делают короткую остановку, чтобы дать возможность сойти пассажиру, приехавшему в санаторий промышленной кооперации. От перрона рукой подать к нарядным коттеджам здравницы, спрятанным под густым шатром деревьев. Чуть поодаль раскинулись палатки пионерского лагеря и высокогорного альпинистского спортивного лагеря «Искра».

В недалеком будущем, по генеральному плану реконструкции Питягорска, здесь возникнет новый курортный район. На террасах северо-западного склона Манука размещаются однанадцать санаториев, питьевая галерея, ванная здания, курзал, жилые дома для медицинских работников. Началось проектирование детского санатория, пионерских лагерей. Коллектив разъезда Лермонтовский работает четко и оперативно; он не раз завоевывал первенство в соревнованиях с соседними станциями. Добросовестно трудятся стрелочники и дорожные мастера, встречая День железнодорожника новыми трудовыми успехами.

Л. СТРУГАЧ
Разъезд Лермонтовский, Приволжская железная дорога

ПОГОВОРИМ О НАСУЩНЫХ
НУЖДАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Валентин ОВЕЧКИН

Всесоюзный съезд советских писателей... Внесение в повестку дня вопроса о материальном обеспечении писателей...

Материально обеспеченным. Меньше сил, времени, нервов тратится на всякие житейские мелочи...

О многом нужно поговорить. Я беру всего лишь несколько вопросов. Во-первых, о Сталинских премиях.

Ежегодное выдвижение на премию большого количества книг не всегда способствовало развитию нашей литературы...

Один знаковый мне редактор толстого журнала выиграл из редакции одного начинающего писателя...

Другой же редактор другого толстого журнала привлекал способную литературную молодежь тем, что обещал начинающему автору обязательно «устроить» на премию его вещь...

Руководство Союза писателей не всегда занимало принципиальную позицию при выдвижении на совещание премий произведений литературы...

И сколько премированных произведений прозы, поэзии, драматургии через год-два уже не читалось, не смотрелось в театрах...

Не следовало ли бы Совету писателей войти с ходатайством в правительство о пересмотре существующего ныне статута о Сталинских премиях...

И совершенно необходимо широкое участие общественности в обсуждении выдвинутых произведений литературы...

Во-вторых, надо бы нам попросить юридические и финансовые органы пересмотреть существующее ныне авторское право.

Социалистический принцип оплаты по труду действует и в писательском деле так же, как во всех областях нашей жизни.

Если мы хотим по-настоящему воспитать вкус зрителей, привить им любовь к хорошей драматургии, надо дать возможность театрам спокойно, вдумчиво, без халтуры работать над классикой...

Если мы хотим по-настоящему воспитать вкус зрителей, привить им любовь к хорошей драматургии, надо дать возможность театрам спокойно, вдумчиво, без халтуры работать над классикой...

Возможны, конечно, и другие какие-то решения вопроса об упорядочении заработка писателей...

Вот еще частные несурзности в нашем авторском праве. Существуют три ставки оплаты за печатный лист...

Особенно много несурзностей в авторском праве в области драматургии. Чем труднее для постановки пьеса, тем в меньшем количестве театров она разойдется.

Григорьев, Дыховичного и Слободского, чьи пьесы обошли почти все театры Союза и принесли авторам близкий старинный сбор?

Еще вопрос — о драматургии, о театрах. Самая отстающая область нашей литературы — драматургия.

Самая отстающая область нашей литературы — драматургия. Но только ли драматургия виновата в отставании этого жанра?

Театр — не коммерческое предприятие. Если мы хотим по-настоящему воспитать вкус зрителей, привить им любовь к хорошей драматургии...

Есть, конечно, среди областных театров успешно работающие и без дотаций. Но тут нужно многое учесть: и количество жителей в городе, и следовательно, количество зрителей...

Если же поглубже разобьетесь, то дотации театрам и не связаны с материальными жертвами. Ежегодно в бюджете каждой области остаются крупные суммы...

Надо нам просить пересмотреть вопрос о субсидировании театров. Натянут театры серьезно, смело, без боязливых оглядок «на кассу»...

Воскресные вопросы, которые мне хотелось поднять для начала практического разговора о неотложных нуждах нашей литературы.

„НЕВЫИГРЫШНЫЙ ЖАНР“

А. ТУРКОВ

Жилы были два литератора: прозаик и критик. Оба часто выступая в печати, выпускали книги...

И, думая об этом, критик всегда приходил к мысли, что больно уж у него «жанр невыигрышный». Тем и утешался.

Достоинными наследниками лучших традиций революционных демократов были критики-марксисты.

Советские критики также внесли свою лепту в дело развития литературы. Однако хотя разговоры об отставании критики и так давно уже стали общим местом...

Робость современной критической мысли, о чем у нас так много говорят, порождается в первую голову опасным подходом к жизни, меняющимся, порой противоречивым явлениям действительности...

А ведь как часто книга может стать поводом для большого и плодотворного разговора о явлениях самой жизни, разговора, в котором литературный факт послужит толчком для полета авторской, критической мысли.

«Публицистическая» мысль! — исправляет меня читатель. — Это будет не критика, а типичная публицистика! Но как знать, может быть, после этой «публицистической» статьи реальная ценность книги станет для читателя явнее...

Как тут не вспомнить прекрасную отповедь Чернышевского похвалам подобного рода: «За хороший язык можно было прощать жадное содержание тогда, когда главным потребностью нашей литературы было выучиться писать не тарараками языком».

А поскольку львиная доля ответственного под редакцией моего журнала уходит на покрытие пометки постановкой автором основ «справедливости» и его умения «ставить на месте букву «я»...

По-моему, для некоторых критиков ссылка на «краткость рецензии» и «рамки статьи» давно стала удобным поводом для того, чтобы избежать разговора по существу.

В некоторых же статьях вроде бы и есть попытки проанализировать, как мы часто говорим, художественную ткань книги. Но порой это попытка с негодными средствами. Так, в апрельском номере журнала «Звезда» критик В. Платонов, анализируя роман Ф. Панферова «Волга-матушка река»...

При виде такой наивности в пору расстроиться, а, разглагольшив, вспомнить, что несколько лет тому назад тот же В. Платонов с удивительным усердием пытался анализировать смысл «образа» зайца, мелькнувшего на страницах романа С. Вавилова «Свет над землей».

Еще чаще критик оказывается не в силах показать, в чем своеобразие писателя, или, говоря словами Чернышевского, «уловить отличительную физиономию его таланта».

Если прочитать несколько десятков рецензий и статей о современных авторах, то выяснится, что почти у всех «чистый, прозрачный язык», сюжет «не является самоцелью, а служит раскрытию характера». Так чем же они, в конце концов, отличаются друг от друга?

Вспоминание творческого своеобразия порождает не только такие похвалы, которые легко могут быть адресованы десяткам других авторов, но и упреки, сбивающие с толку и читателей и писателя. То и дело приходится слышать, что один писатель не показал труд многотомной армии десоватов, у другого — не нарисовано участие профсоюза в повышении производительности труда героев...

«Детство», надобно изображать именно детство, а не что-либо другое, не общественные вопросы, не военные сцены, не Петра Великого и не Фауста, не Индиану и не Рудина, а дитя с его чувствами и понятиями.

Критик-догматик подчас ухватывается за какое-либо верное положение, воспринимает его отдельно от всего остального, абсолютизирует, превращает в «правило без исключений».

Скажем, требование, чтобы каждый герой говорил присутствующим ему языком, вполне справедливо для подлинного реализма, но не для произведений. Но можно ли превратить его в «непреломленное» условие художественности? Можно ли запрещать Л. Толстому или И. Эренбургу накладывать на речь героев явственный отпечаток собственной языковой манеры?

Немало еще догматических штампов на дорогах искусства! «Под этим стихотворением, лирическим конкретным черт нашей эпохи, можно поставить любую дату... Написанные вне времени, эти стихи могли бы появиться и сто, и двести лет тому назад... Переживания лирического героя далеки от подлинных переживаний советского человека...»

Каждое приходится встречать в критических статьях эти и подобные им упреки. В последнее время ими, как непреложным критерием, пользуются уже критики всех возрастов — от юности во дворе лет, едва увлеченные светом до «заканченного судьбой бойца с седой головой».

Но действительно ли перед нами этакая критическая аксиома, не нуждающаяся в специальном доказательстве и служащая прочным фундаментом для верной оценки всякого лирического стихотворения?

Вспомним в журнале Венера Милоская. В очерке «Выпрямляя» Глеб Иванович Успенский рассказал о том, какое впечатление произвела эта статуя на сельского учителя Тупишкина, которого долгие годы так била и трепала жизнь, что он уже готов был опуститься на дно.

«Что-то, чего я понять не мог», — поворачивает Г. Успенский от имени Тупишкина, — дунуло в глубину моего скопленного, ископаемого, измученного существа и выпрыгнуло меня, мурашками оживающего тела пробуждало там, где уже казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно так, когда человек растер, заставило также бегать, проноситься, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширившимся грузом, весь выросший организм свежестью и светом».

Г. Успенский предполагает, что творцу скульптуры хотелось «...как-то и дерушно запечатлеть в сердцах и умах огромную красоту человеческого существа, ознакомить человека — мужчину, женщину, ребенка, старика — с ощущением счастья быть человеком, показать всем нам и образователю нас видимость для всех нас возможность быть прекрасными...».

«И желание выпрямить, высвободить ископаемого терпением человека для этого светлого будущего... радостно возникает в душе», — заключает писатель.

В этом очерке, полемически направленном против стремления наддухо отгородиться «тенциозности» искусство от так называемого «высокого», Г. Успенский превосходно установил духовное родство подлинно бессмертных, «вечных» творений с борьбой за социальный прогресс, являющуюся непременным условием полного раскрытия богатейших возможностей, которые зложены в человеческой натуре.

Как не хватает нашей критике подобного вдумчивого и проникновенного отношения к тем произведениям искусства, в которых подчас нет бесспорных признаков времени! Примечательна судьба лирики К. Симонова. Кое-что в ней и мне представляется спорным, но некоторые критики, опираясь в своих оценках на неверные, вульгарные принципы, начисто зачеркивают чуть ли не всю любовную лирику этого поэта.

Слушай же ее, пока не поздно. Слышишь ты, как хочет она жить, Как нас молит — треплет и грозно — Двадцать дней ее не хоронит!

Несмотря на отдельные художественные просчеты автора, трудно, не будучи предубежденным, не услышать в этом стихотворении большой человеческой тревоги за судьбу чувства, за судьбу двух людей, которые слишком легко поступились своей любовью!

А ведь известно, например, что среди чистых молодежи до сих пор распространено «легкое» отношение к любви, что некоторые юноши и девушки слишком быстро решают «связать свои жизни» или, наоборот, вдруг неопровержимо заявляют: «Мы, мол, не сошлись характерами».

Стихотворение К. Симонова правдиво рассказывает об одном из таких житейских кризисов, которые могут случиться с каждым; оно как бы предупреждает читателя от ошибки в подобных обстоятельствах, от поспешных, опрометчивых решений той «личной» проблемы, в которой, пожалуй, в особенности относится постановка: «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

Примечательно, что вульгарный подход к произведениям искусства, нет-нет да и прорывающийся в нашей критике, оказал чудное влияние на эстетические вкусы читателей. Недавно мне довелось услышать, как один студент учинил «разнос» небольшому стихотворению М. Алигер «Перед зарей».

Вот оно: Ни с того, ни с сего ты сегодня приснилась мне снова, — перед самой зарей, когда дрогнула мгла, — и негромко сказала мне, — хорошее, доброе слово, и от звука его я проснулся и больше уснуть не могла.

Чтоб его не забыть, я почти без движения лежала. Занимался рассвет, в петушьи трубы труба... Вот и миновала ночь! А ведь я за нее возмужала, — до нее мне казалось, что я разлюбяла тебя.

Наш критик обвинил автора стихотворения во всех грехах: тут и бездумность, тут и декаданс, и безидейность... Но в самом ли деле то, что написала Алигер, никому не нужно? Мне кажется, что это стихотворение, как и симоновская «Заря», имеет серьезное символическое значение, призывает людей, в особенности молодежь, высказаться относительно к своему чувству, не поступаться им при первой тучке на любовном небосклоне.

В чем смысл стихотворения? Героиня осознает, что она неверно понимала себя, свое чувство к другому человеку (да простит нам то косноязычие, в которое почти всегда немольно впадаешь, определяя стихотворение). Что она сделала дальше? Кончится ли это благополучно? Или дело зашло так далеко, что возврат к прежнему, в силу разных обстоятельств, окажется невозможным? Почему знать и, собственно, зачем знать? Это остается за рамками стихотворения, которое, правдиво рассказав о чужой — безвозвратной или поправимой — беде, настораживает читателя, учит его, если можно так выразиться, диагностике чувства. Важно это или неважно?

Было бы неверно винить во всех бедах и грехах современной критики только самих критиков. Реальный род литературной работы находится в столь неблагоприятных условиях успешного развития условий. Реальный отряд литераторов столь периодически выступает в роли козла отпущения.

«Вниманье», проявляемое печатью к работе критиков, по большей части принимает только одну, причем весьма своеобразную форму, — указание на сделанные критиком ошибки.

Дело доходит до того, что даже хорошую статью в печати упоминают только в связи с допущенной автором неточностью. А ведь неточность, разумеется, очень легко допустить при самостоятельной разработке темы и сравнительно трудно — при работе критиком, по большей части принимающей форму, — указание на сделанные критиком ошибки.

Разумеется, лучше обходиться без ошибок. Да и ошибка ошибке — рознь. Было бы неплохо опрашивать и другие ошибки, извращение основных положений марксистской теории, ссылки на «смелость» или «самобытность». Но в решении конкретных творческих вопросов каждый критик может и должен идти «своими путями»: как же иначе может существовать подлинная критика?

«Лучше ошибка, чем штампы», — всерьез замечал однажды Станиславский, имея в виду трафаретные, бесцветные спектакли, в которых вроде бы и притворяется не к чему и в то же время — нет подлинного искусства. Увы, некоторые критики руководствуются принципом прямо противоположным: «Лучше штампы, чем ошибки».

Передо мной критика упрекает за резкость оценок. Но ведь, отвечая ми на это словами Чернышевского, «иногда без нее не может обойтись критика, если хочет быть достойной имени живой критики, которую, как известно, может писать только живой человек, то есть способный проникнуть и энтузиазмом, и сильным негодованием, — чувства, которые, как тоже всем известно, испаряются не в холодной и вялой речи, не так, чтобы никому от их излияния не было ни тепло, ни холодно».

Да ведь и Пушкин, отлично понимавший смысл критики, увещивал Плетнева: «Брат Плетнев! не лишн добрых критик! Будь любезен и бойся приговорить...» Только освобождаясь от догматизма, приторности, примитивных, поверхностных суждений, критика из «невыигрышного жанра» превращается в могучее оружие борьбы за высокую идейность и мастерство литературы социалистического реализма.

По страницам журналов

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Двадцать две страницы оборотного текста занимает в третьем номере «Дальнего Востока» подборка «Навстречу Второму всесоюзному съезду советских писателей».

Ответственный секретарь Хабаровского отделения ССП Н. Рогов характеризует творческую работу писателей дальневосточников за последние годы. Лучшие произведения писателей края, такие, как романы «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Амур-буряшка» Н. Залорнова, «Сердце Бонивара» Д. Нагишкина, «Выстроеной олен» Н. Шундики, повести А. Пришвина, стихи П. Комарова, получили широкое распространение в стране и за ее пределами.

Редактор «Дальнего Востока» А. Пришвин самокритически говорит о том, что в журнале не хватает произведений на современные темы, и о том, с какой успешностью порой печатаются незрелые повести и романы.

СПОРАМ О МАСТЕРСТВЕ

Спорам о мастерстве, об отдельных произведениях посвящены выступления поэта С. Смольякова, прозаиков Н. Шундики, Т. Халиявского, Ю. Шестаковой.

В журнале помещено большое письмо М. Луконина о творчестве поэтов дальневосточников, о культуре писательского труда. Леонид Соболев, принимавший участие в работе конференции, в своей статье сравнивает хабаровскую писательскую организацию с одним из боевых отрядов нашего литературного корабля, он говорит о необходимости развития таких боевых жанров, как очерк, памфлет, сатира.

Эти предельно конкретные материалы, несомненно, интересны. Однако в них не всегда видна острая постановка спорных, еще не решенных творческих вопросов, которые волнуют писателей научные съезды.

ПЕРГАЛЕ

В шестом номере литовского журнала «Пергале» («Победа») в дискуссионном порядке опубликована статья поэтессы Т. Роставайте «О конфликтности в лирике».

Полемизируя с одним из положений статьи А. Венцлова «Поговорим о поэзии», автор утверждает, что конфликт характерен не только для драматургии, но и для лирики. «По-моему, конфликтность в широком смысле», — говорит поэтесса, — это кипучая, полнокровная, никогда не застывающая диалектика жизни, это партизанско-теневое изображение действительности в революционном ее развитии, с историческими столкновениями враждебных социальных, политических, моральных сил; это героика борьбы человека жизни со стихией природы... это вечная борьба жизни со смертью; это противление между двумя принципами: любви; наконец, это напряжение глубоких внутренних противоречий, колебаний в поиске отдельного человека — героя лирической поэзии или драмы, в ходе формирования его характера вырастающее на почве сложных социальных, политических, бытовых обстоятельств, их взаимодополнения».

Основной тезис о конфликтности в лирике доказывається в статье на большом количестве конкретных примеров, проанализированных под этим углом зрения.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

В заключение автор статьи высказывает мысль, что отход некоторых молодых литовских поэтов от остро конфликтной, любовных тем, увлечение их стилизацией под народные песни при поверхностно-сентиментальном изображении жизни отрицательно сказывается на их творческом росте и обедняет их как поэтов.

Статья Т. Роставайте содержит ряд спорных положений и, несомненно, вызовет отклики.

